

ЗАПРЕЩЕННЫЕ И УНИЧТОЖЕННЫЕ КНИГИ В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

Публикация Л. Добровольского

Кружок чайковцев, деятельность которого получила свое развитие с начала 70-х годов, делал попытки использовать легальные возможности для революционной пропаганды.

Одной из форм такой пропаганды было так называемое книжное дело. Оно заключалось главным образом в распространении в целях революционной пропаганды легальной литературы, для чего кружок чайковцев приобретал соответствующие издания, а впоследствии приступил и к самостоятельной издательской деятельности. «С этой целью, — пишет Л. Шишко, — кружок входил в сношения с некоторыми из петербургских издателей и брал у них на комиссию значительное количество экземпляров нужных ему изданий, а иногда и прямо покупал за полцены целые издания, как например у известного в то время либерального издателя Н. Полякова. Затем все эти издания распространялись кружком в Петербурге и провинциальных городах через посредство местных студенческих групп, а также среди политических ссыльных»¹. К. Маркс («Капитал», «Гражданская война»), Лассаль (Сочинения, т. I), Ланжеле и Корье («История революции 18 марта», Лавров («Исторические письма»), Флеровский («Положение рабочего класса в России», «Азбука социальных наук») и другие авторы западноевропейской и русской социалистической и радикальной мысли получили широкое распространение в России благодаря кружку чайковцев.

Как только правительство заметило эту легально проводимую пропаганду, оно естественно постаралось ее парализовать и уничтожить. Судьба книг В. В. Берви-Флеровского — тому яркое доказательство.

Имя В. В. Берви-Флеровского как автора книги «Положение рабочего класса в России» пользовалось огромной популярностью в революционном подполье, кружках для самообразования и среди учащейся молодежи. Книга имела громадное пропагандистское значение. Об этой книге заговорила не только столичная, но и провинциальная периодическая печать России различных общественных группировок. «Положение рабочего класса в России» получило известность и за границей.

К. Маркс одним из первых оценил по достоинству работу Флеровского². «Это первое произведение, — писал Маркс Энгельсу 10 февраля 1870 г., — в котором сообщается правда об экономическом положении России»³.

То агитационно-пропагандистское влияние, которое произведения Флеровского имели на революционеров-семидесятников, достаточно себе уясняло и правительство Александра II. Царская цензура весьма внимательно относилась к каждому произведению Флеровского и запрещала почти все, что им было написано в начале 70-х годов.

По поручению кружка чайковцев В. В. Берви-Флеровским были написаны в 1871—1872 гг. две книги: «Азбука социальных наук» и «Исследо-

вания по текущим вопросам», а также переработано для второго издания «Положение рабочего класса в России». Все эти книги, отпечатанные в 1871—1872 гг. в Петербурге, подверглись запрещению и уничтожению. Первое издание «Положения рабочего класса в России» было уже почти распродано, когда кружок чайковцев предложил В. В. Берви-Флеровский⁴, — превратить эту книгу в постоянно возобновляемый новейшими данными сборник сведений о положении рабочего класса, а потому, согласившись отдать им второе издание, я хотел сначала его переделать. А между тем я отдал им для напечатания готовую у меня книгу «Азбуку социальных наук». Я ценил «Азбуку» выше «Рабочего класса», так как я с нее начал высказывать свое мировоззрение.

По окончании печатания на основании разрешения, полученного от С.-Петербургского цензурного комитета 24 сентября 1871 г., «Азбука социальных наук» была сдана типографией Нусвальта в количестве 2490 экземпляров издателю Н. П. Полякову, который выступал в данном случае скорее как посредник между кружком чайковцев и типографией. Предвидя преследование со стороны властей, книгу выпустили анонимно. «Так как эта книга, — вспоминает Н. Чарушин⁵, — свойствами благонамеренности не обладала, то можно было рассчитывать, что она, по обычаю, подвергнется опале. По этим соображениям кружок и сдал для продажи в магазин Черкасова и некоторые другие только сравнительно незначительную часть издания, а значительную разместил по различным складам и студенческим квартирам, рассчитывая, в случае конфискации книги в магазинах, распродать оставшуюся часть неофициальным порядком. И действительно опасения кружка скоро оправдались».

Появление «Азбуки социальных наук» вызвало тревогу в III Отделении. Шеф жандармов граф П. А. Шувалов сделал об этой книге 15 октября 1871 г. специальный доклад Александру II, в котором указал, что «книга эта как первое явственное осуществление программы русской ветви «Интернационального Общества» по издательской части приобретает особенное значение независимо от ее содержания». На полях доклада Александр II положил резолюцию: «Азбуку эту не следует допустить к продаже, о чем Мин. В. Д. сделать нужное распоряжение»⁶. 24 ноября 1871 г. С.-Петербургский цензурный комитет сделал соответствующее представление прокурору Петербургской судебной палаты, в котором дал следующую оценку книги:

«Означенное сочинение названо автором азбукою, потому что он имел в виду изложить в нем лишь начальные основания социального устройства общества и систематически исследовать те общие социальные законы, по которым направлялась и должна направляться жизнь человечества. Хотя в исследовании своем автор заметно старается избегать таких резкостей, которые крайностью своею прямо бросались бы в глаза, и прибегает к известным литературным приемам замаскирования насколько возможно своей мысли, предоставляя проницательности читателя отгадывать точное ее значение, но это замаскирование оказывается столь поверхностным, что цель автора осуждать современный общественный порядок и проводить самые вредные учения в читающую публику оказывается несомненною».

Предосудительное содержание всего сочинения заключается в явном оспаривании признанных всеми благоустроенными государствами основных начал общественного устройства и порядка и в распространении вредных утопических идей какого-то иного общественного строя. Во всем сочинении ясно проходит намерение автора унижить достоинство и авторитет верховной власти, которая возникла, по его мнению, вследствие злоупотребления силы, представить религиозные верования, духовенство, войско, чиновников орудиями властолюбивых стремлений правительства, возбудить народ против высших сословий, обладающих или знатным именем или богатством, и представить его

№ 22

ПРОКУРОРА
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ

ДѢЛО

О возбуждении судебного преследования против автора книги "Исследования по текущим вопросам" Надворного Советника Вильгельма Берви, за нарушение законов о печати

Начато 1 А п р и л 1872 года.

Кончено 18 Мая 1872 года.

На двадцати трех листахъ.

ОБЛОЖКА ДЕЛА ПРОКУРОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ «О ВОЗБУЖДЕНИИ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВ АВТОРА КНИГИ «ИССЛЕДОВАНИИ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ» НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА ВИЛЬГЕЛЬМА БЕРВИ, ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ О ПЕЧАТИ»

Ленинградское отделение Центрархива

находящимся в безвыходном положении как в отношении материальном, так и нравственном. Состояние простого народа с самых древних времен до настоящей поры автор рисует самыми мрачными красками, представляя его постоянною игрушкой тех немногих сильных мира, которым удавалось захватить власть, и весьма недвусмысленно проводит мысль, что достижение возможного равенства одно в состоянии облегчить положение его. Как образцы благодетельных социальных движений автор приводит кровавые перевороты Китайской империи, в которых погибали и император, и высшие классы. Сверх того автор является врагом капитала, крупного землевладения и вообще богатства, осуждает некоторые стороны семейного быта и оспаривает рациональность наследственного права.

При изложении социальных законов, по которым направлялась жизнь человечества, составляющая историю мартирологии человечества, автор выводит на свет три фактора, составляющие, по его понятиям, постоянную препяду для общественного прогресса и всеобщего благополучия. Эти три враждебные для общества факторы суть — сила, богатство и формальная религия».

В заключение, С.-Петербургский цензурный комитет отметил «крайне вредную тенденциозность книги, проводящей целую доктрину новых социальных учений с видимой целью поколебать в обществе доверие к существующему ныне государственному и общественному строю и пропагандировать крайние социалистические учения»⁷.

Однако Судебная палата не нашла повода для привлечения Берви-Флеровского к судебной ответственности, не видя в книге состава преступления. Такое решение Судебной палаты заставило III Отделение поставить перед Александром II вопрос о необходимости издания дополнительных узаконений, которыми на будущее время была бы устранена возможность появления и распространения подобных сочинений. 7 июня 1872 г. был утвержден Александром II закон, в силу которого преследование за проступки печати было изъято из ведения суда и передано Комитету министров.

Узнав от владельца типографии Нусвальта, что издателем «Азбуки» является Н. П. Поляков, С.-Петербургский цензурный комитет подверг его опросу. Поляков заявил, что 1690 экземпляров «Азбуки» он передал Н. В. Чайковскому, а остальные 1200 экземпляров сдал на комиссию в книжный магазин Черкесова и 200 экземпляров в книжный склад для иногородних. Однако прежде чем власти принялись конфисковать книгу, большинство экземпляров ее было распродано. При обыске в магазине Черкесова 1 ноября 1871 г. было отобрано 297 экземпляров «Азбуки». В магазине для иногородних не оказалось уже ни одного экземпляра. На квартире Н. В. Чайковского был найден 161 экземпляр, в библиотеке Черкесова (на Васильевском острове) было отобрано 4 экземпляра. При обысках в частных квартирах отобрано 127 экземпляров, в том числе у Д. А. Клеменца 50 экземпляров. Всего было арестовано 589 экземпляров, которые и были уничтожены 24 января 1873 г. на картонной фабрике Крылова⁸. Конфискация «Азбуки» довольно красочно описана самим Флеровским⁹: «...правительство схватилося за голову и кинулось арестовывать экземпляры в складе, который был сделан в лучшем тогда книжном магазине Черкесова. В магазине был сделан формальный обыск, но найдено было только пятьсот экземпляров¹⁰, по большей части дефектов. Магазин был закрыт и вывешено объявление, что он закрывается по распоряжению Третьего отделения. Когда по обыкновению вся фешенебельная публика высыпала на Невский для прогулки и читала эту надпись, произошел громадный скандал... Бесчинство и безобразие Третьего отделения, — добавляет Флеровский, — возбудило всеобщее негодование, оно разыскивало книгу — которая продавалась открыто во всех магазинах, не была осуждена судом и которую конфисковать оно не имело никакого права, — так, как будто это подпольное издание преступного содержания». Главные участники издания «Азбуки», как Натансон, Чайковский и Клеменец, бы-

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ
Фотография 1890-х гг.
Музей Революции СССР,
Москва

ли арестованы, но пострадал один лишь Натансон, непосредственно принимавший участие в издании и корректуре «Азбуки». В феврале 1872 г. дело Натансона было разрешено в административном порядке с высылкой под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию.

«Я спрашиваю всякого цивилизованного читателя,— пишет Флеровский,— какое политическое преступление можно совершить в историческом исследовании заблуждений общественного мнения у дикарей и в теократических и деспотических государствах Азии, Африки и Америки? О России и ее порядках не было сказано в книге ни единого слова и не было ни единого на нее намека»¹¹.

В своей краткой автобиографии Берви-Флеровский указывал, что им были написаны «для организации», т. е. для кружка чайковцев, еще две книги, и хотя они были вполне цензурными, но все-таки они были запрещены; «при этом, — добавляет Флеровский, — мне было объявлено, что все книги, которые я напишу для организации, будут запрещены»¹². Одной из этих книг следует считать второе издание «Положения рабочего класса в России», другой — «Исследования по текущим вопросам». Последняя книга была напечатана без указания фамилии автора и издателя и до настоящего времени не была известна в литературе как принадлежащая Берви-Флеровскому. Предыдущие работы Флеровского — первое издание книги «По-

ложение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» — успели получить распространение и тем самым — должную оценку читателей. Книга «Исследования по текущим вопросам» не получила распространения, так как подверглась аресту в типографии до выхода в свет, а затем была уничтожена по распоряжению правительства.

Любопытно отметить, что и сам В. В. Берви-Флеровский ни в своей краткой автобиографии, ни в воспоминаниях не упоминает об этой своей работе. Книга состоит из пяти глав: 1. Философское основание права на взимание податей. 2. Наша пресса и ее отношение к Нечаевскому делу. 3. Розги или картечь. 4. * [О самоуправлении]. 5. Школа и умственное движение, их значение и современное состояние.

8 марта 1872 г. книга «Исследования по текущим вопросам» была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет и дана на просмотр цензору Лебедеву, который нашел в книге нарушение законов о печати. 10 марта на все издание в количестве 2591 экз. был наложен арест в типографии Нусвальта.

Получив из типографии сведения, что автором книги «Исследования по текущим вопросам» является В. В. Берви, Цензурный комитет обратился 31 марта 1872 г. к прокурору Судебной палаты с представлением о возбуждении судебного преследования против автора. По мнению Цензурного комитета, «вся книга имеет явную цель разъяснить обществу значение современных явлений нашего государственного и общественного быта. При исполнении этой задачи автор опирается на такие начала, которые не согласны с основами нашего государственного строя, и приходит к выводам, находящимся в явном противоречии с заявленными видами и целями постановлений и распоряжений нашего правительства, вследствие чего принятые автором исследования текущих вопросов получают значение самой неблагоприятной и вредной агитации общественного мнения»¹³.

Вместо Судебной палаты дело Берви было направлено в Комитет министров, куда по закону 7 июля 1872 г. перешли все судебные дела по преступлениям печати. Министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев в своем представлении в Комитет министров о книге «Исследования по текущим вопросам» писал:

«Сочинение это состоит из пяти статей, из которых три следующие представляются особенно вредными как проводящие идеи, противные существующему у нас и во всей Европе государственному и общественному строю, именно:

1. ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРАВА НА ВЗИМАНИЕ ПОДАТЕЙ.

Главный предмет этой статьи есть разрешение вопроса: имеет ли государство право на взимание податей пропорционально состоянию каждого. Отрицая это право, автор называет его остатком древнего общества (когда источником всяких идей были не люди труда, а люди, жившие на счет труда), нарушением прирожденных прав человека, действием неприличным цивилизованному государству, не имеющим рационального основания, правом сильного (стр. 1—8), позором для науки, произволом правительственной власти (стр. 9—10). Пропорциональное состоянию каждого распределение податей имеет, по мнению автора, лишь тогда основание, если смотреть на государство как на компанию на акциях, но тогда государство обязано также пропорционально делить между всеми дивиденды (стр. 11—12); из этого автор выводит заключение, что «государство и общество имеют право брать только то, что более полезно в их руках, чем в руках частных» (стр. 20). В вопросе о сборе податей, продолжает автор, вопрос идет не о тех, которые платят подати добровольно, а о тех, которые не хотят платить, «о праве принуждать к уплате; никто не имеет права принуждать платить только потому, что ему пришла такая фантазия, — это разбой. Дей-

Изъясню эту резолюцию Государства Императорского
на доклад Александра II на докладе III отделения

По уставу русской епархи, или
интернационального общества, найден
ному при единомъ обществе въ Москву,
въ апрѣль текущаго года, предложено
между прочими образованными
обществами или тайными кружками
для издания сочинений по политическимъ
наукамъ.

На дняхъ въ Петербургъ съ
продажу распространя книга подъ за-
главиемъ: «Азбука социальныхъ наукъ».
На оберткѣ нѣтъ имени ни автора,
ни издателя, а значится только,
что книга написана съ типогра-
фии Иностранца.

Наблютая достоверную естество-
научную, что «Азбука социальныхъ наукъ»
сочинена изъ известныхъ сочинений
русскихъ писателей Флеровскихъ
(Берви), издана же она тайными
кружками, образованными и влиятельными.

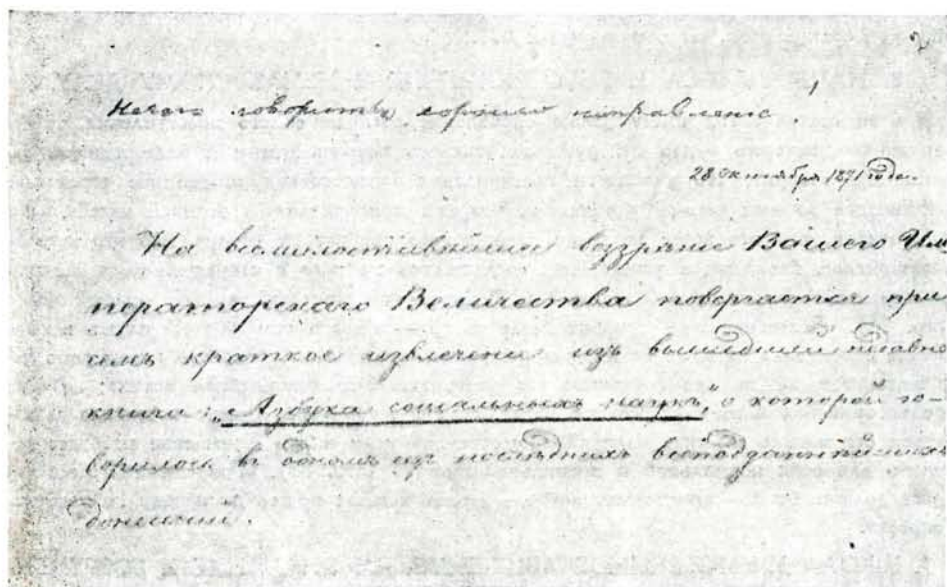
состоящей подъ постоянными набо-
дками 3го Странника Соединенной Ва-
ица Императорскаго Величества
Пансиерии. Твоя книга эта, как
первое действительное осуществление про-
граммы русской евангелии, Интернациона-
нального Общества по изданию русской
части, приобретает особенное значе-
ние, независимо отъ ее содержания

Издатели предполагают достаточное
названному сочинению возможно самое
широкое распространение в среде молодежи,
для чего, отпечатавъ 2500 экземпляров,
они его продадут по очень низкой цене,
состоятся лишь, в значительной части
как против магазинной цены.

Составляя объемистый томъ въ 500 страницъ, «Взвѣска социальнаго науки» не могла еще быть просмотрѣнна сполна. Краткое извлеченіе изъ ея содержанія будетъ представлено вслѣдъ за сѣмъ на всеобщественномъ собраніи Раннего Императорскаго Вѣщества

ствие это основано на силе, а не на праве. Как скоро правительство или народ поймут свою ошибку, они обязаны ее исправить, а там, где правительство или народ считают себя в праве ошибаться, там люди живут не в государстве, а в разбойнической шайке» (стр. 21).

Развивая затем мысль о праве взимания податей на основании большой полезности имущества в руках государства, автор разъясняет, что если имущество и получает полезное употребление в руках государства, но если оно получает также полезное употребление и в руках частного лица, то государство не имеет права взять его, так как не государство, а частное лицо произвело это имущество своим трудом. «Имеет ли разбойник,—спрашивает автор,—право взять у частного лица имущество на том основании, что он даст ему полезное употребление? Если государство действует так, т. е. на том основании, что оно сильно, то его можно признать сильным разбойником, не

РЕЗОЛЮЦИЯ АЛЕКСАНДРА II НА ИЗВЛЕЧЕНИЯХ ИЗ «АЗБУКИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»
ФЛЕРОВСКОГО

Центрархив СССР, Москва

более» (стр. 27—28). «Чтобы государство имело право взять силою у частного лица имущество, его право должно быть лучше права частного лица, а оно ни в коем случае не может быть лучше, если имущество в руках частного лица получает такое же полезное употребление, как и в руках государства. Если имущество в моих руках удовлетворяет необходимой, а в руках государства только полезной потребности, то право взять с частного лица подать ни в коем случае не может существовать — это разбой».

Продолжая развивать ту же мысль, автор прибавляет: «чувства человеческие возмущаются, когда богатый начинает говорить о равенстве, о равном пропорциональном распределении. Как, крикнет ему чувство справедливости с невольным негодованием: вы первый враг равенства, как скоро речь зайдет о распределении благ земных, вы первый кричите, что не может быть равенства между людьми, а коль скоро дело идет о распределении тягостей, вы — защитник равенства и пропорциональности» (стр. 28—29). «Высшие классы, — добавляет автор, — не имеют интереса удержать государство от заносчивой политики и роскошных издержек. Если они кричат об экономии, то это в тех случаях, когда они желают захватить власть в свои руки, и лишь только это им удастся, они начинают тратить более, чем прежде». Затем автор приводит примеры расточительности правительств и высших классов и не удивляется, что при такой

стачке бюджеты всюду в Европе возрастают несравненно быстрее, чем население и богатство» (стр. 39—42).

Переходя после этого к повинности военной, автор видит и в ней самую вопиющую и поразительную несправедливость. «Во-первых,—говорит он,—семейство богатого человека, отдавая своего члена в рекруты, в большей части случаев совершенно от этого не страдает, а для семейства бедного человека это сопряжено с самыми тяжкими лишениями» (стр. 45).

Изложив различные учения экономистов о податном вопросе и выставив учения эти ложными, автор заключает статью следующим рассуждением: «Мы видим, с одной стороны, довольство имущих классов финансовой системой, лежащей на них несравненно легче, чем на массе народа, и побуждающей их к заносчивой политике, в которой бесплодно тратится значительная часть сил общества, к политике, которая дала в Европе такое уродливо громадное развитие военному делу, какого не существовало с тех пор, как солнце освещает землю» (стр. 62).

2. НАША ПРЕССА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕЧАЕВСКОМУ ДЕЛУ.

В этой статье автор имеет целью оправдание если не самого преступления, то его виновников, которые будто бы руководствовались возвышенными и благородными целями. Он говорит, что участники преступления «чувствовали неодолимое стремление действовать во имя чего-нибудь такого, что они признавали бы великой идеей». «Все чувствовали, что это вовсе не такое дело, какого требует их сердце, что это дело не практическое, без шансов успеха, они соглашались на него с отвращением, и все-таки согласились, вследствие необходимой потребности действовать во имя великой цели» (стр. 78). «Возможно ли,—говорит далее автор,—убивать нам или сокращать в юношестве стремление служить великой общественной цели? Нам не только невозможно его убивать, нам необходимо постоянно его развивать. Это несомненная истина; но если это несомненная истина, то что же будет, если в юношестве будет постоянно развиваться стремление служить великой общественной цели и это стремление не будет находить для себя нормальной и правильной пищи?» (стр. 88). «Разрешением этого вопроса должна была,—продолжает автор,—заняться наша пресса по поводу Нечаевского вопроса».

3. ШКОЛА И УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.

Статья эта представляет посредством тенденциозно подобранных и ложно объясняемых фактов истории, как правители государств, высшее сословие, имущественный класс и духовенство старались из политических и эгоистических причин держать простой народ в невежестве, делая возможные препятствия к достижению им просвещения, в особенности к приобретению народными массами политического и социального образования. Факты эти так искусно подобраны и освещены, что при первом чтении четырех первых глав статьи кажется, будто автор старается доказать пользу образования вообще, пользу науки для государства и благосостояния общества. Но пятая глава открывает цель автора: довести читателя до убеждения, что Парижская коммуна есть идеал, до которого должны стремиться государства, наука и вообще просвещение.

Христианство и богословские науки автор выставляет началами обскурантизма, суеверия и упадка цивилизации, а революции — светлыми страницами в истории цивилизации, называя их умственным и передовым движением народов, возникшим в среде его вследствие возникновения новых идей.

Так автор между прочим говорит: «в государствах, которые думали возвышаться путем завоеваний, умышленно старались не возбуждать умственного движения в массах для того, чтобы тем легче управлять; правительство все свое внимание сосредоточивало на военном деле; оно старалось сделать из народа военную машину, которая тем сильнее способна была бы бить, чем менее в ней было разномыслия и чем более весь народ склонен был делаться послушным орудием. Но такая хитро придуманная политика оказалась одинаково несостоятельной, начиная от древнейших времен и до самых по-

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА

FOODS.

НАБЛЮДЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ
И Флоровского.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ЗАПРЕЩЕННОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ ФЛЕВРСКОГО «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»

Публичная Библиотека, Ленинград

РЕДАКЦИЯ

ОГ

ТЕКУЩИМЪ ВОПРОСАМЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Yakovlev I. I. *Uchebnye zadaniya k spetsial'noi literaturе*. N. 12

1972.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ УНИЧТОЖЕННОЙ
КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «ИССЛЕДОВА-
НИЯ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ»

Институт Книговедения, Ленинград

АЗБУКА
СОЦИАЛЬНЫХ НАУКЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

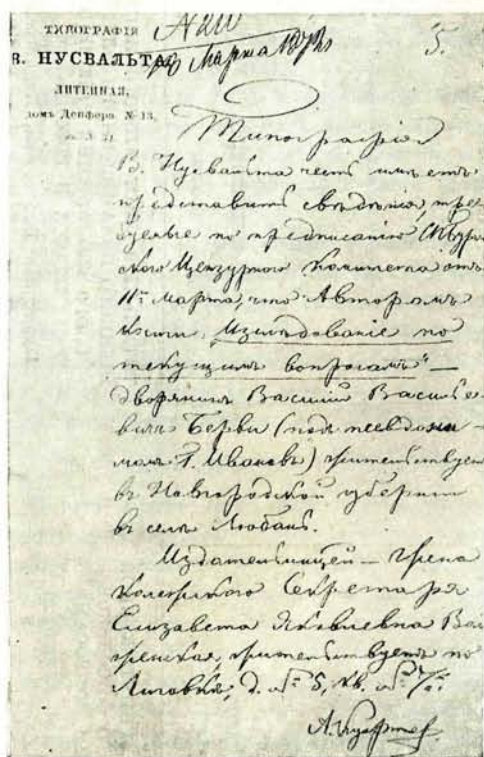
САВСТОТЕРБСРГЪ

1871.

1971.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ УНИЧТОЖЕННОЙ
КНИГИ ФЛЕРОВСКОГО «АЗБУКА СО-
ЦИАЛЬНЫХ НАУК»

Публичная Библиотека, Ленинград

СООБЩЕНИЕ ТИПОГРАФИИ В. НУСВАЛЬТА С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ЦЕНЗУРНОМУ КОМИТЕТУ ОБ АВТОРЕ И ИЗДАТЕЛЕ КНИГИ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ТЕКУЩИМ ВОПРОСАМ»

Ленинградское отделение Центрархива

следних. Она погубила древних персов и турок, а в новейшее время ее придерживались Неаполь, Австрия и Россия» (стр. 122).

Выставляя французов передовым народом XVIII века, автор объясняет: «Во Франции передовое движение (т. е. революция) могло принять такие обширные размеры только потому, что новые идеи работали в головах всего народа, за исключением Ванден» (стоявшей, как известно, за монархический принцип) «и некоторых частей южной Франции, где господствовала умственная неподвижность» (стр. 120).

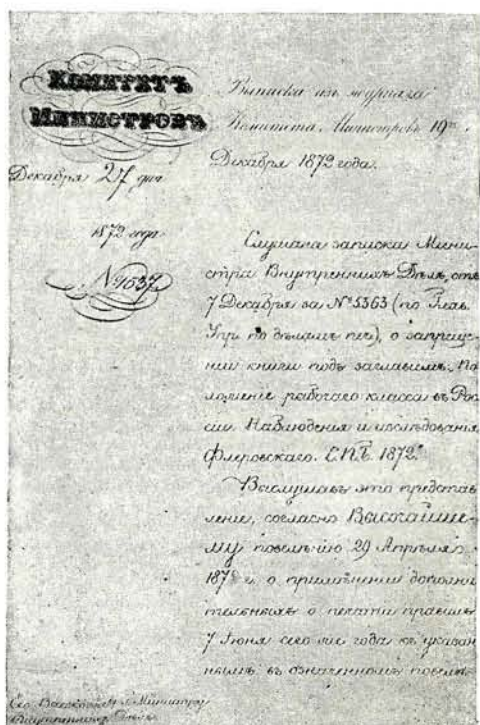
Объяснив сообразно со своими воззрениями умственное движение в средние века, возникшее, несмотря на старание духовенства держать народ во мраке (стр. 129 и 130), автор проводит параллель между положением средневекового общества и положением русского общества в начале 1860 года.

«Кто помнит,—говорит он,—умственное движение наше в последней половине пятидесятих годов, тот может себе составить некоторое понятие о средневековом движении гуманизма. Оно точно так же веселило и возбуждало молодежь, обличая тупость тех, которые до тех пор держали ее в руках; оно точно так же энергически и остроумно проповедывало гуманное обращение; оно называло духовенство людьми мрака, обскурантами, оно породило и своего рода нигилизм, где рядом с истинно глубоким процветало поверхностно веселое, отчасти компрометировавшее прекрасную сторону нового дела. К несчастью все это умственное движение сосредотачивалось в небольшом кругу избранных; оно было бессильно и не имело никаких путей, чтобы проникнуть в народ. Именно потому, что оно не проникало в народ, оно слабо распространялось и в среде высшего сословия; на него нельзя было опираться для того, чтобы возвыситься: нужно было попрежнему пройти настоящую церковную школу или воспитываться при дворе государей и вельмож. Церковное направление, плодившее унижение и раболепие, и дворянское, плодившее придворное лакейство, попрежнему остались господствующими» (стр. 130).

Переходя к новейшему времени и возникновению в Париже Коммуны, автор свидетельствует: «в то время, когда Франция погрязла в жалком болоте крови, невежества

и грязных чувств, в одном Париже звучал голос истины, в одном Париже указывали народу единственный путь, которым можно было идти в его безвыходном положении». «Противопоставить им (т. е. стремлениям немцев) идею свободной жизни народов, при условиях свободной федерации, равносильных и притом таких слабых административных единиц, чтобы ни одна не могла навязывать себя или своей национальности или религии и мысли другим,—это была для французов не только самая правильная, но единственная политика, которой они могли держаться, чтобы найти союзников или по крайней мере погибнуть с достоинством. До какой степени эта политика была верная и единственно правильная, видно из того, что парижане нашли себе множество сочувствующих среди своих врагов, взявших Париж немцев». «Для Западной Европы возможны были только две идеи—идея Германской империи, желающей целый свет насильно сделать немцами, или идея Парижской коммуны, защищающей свободу народов... Идея дешевого управления, поднятая Коммуной, возбудила в Англии такое всеобщее сочувствие, что даже реакционные журналы проходили ее молчаливым, опасаясь повредить себе опровержением. Коммуна в этом случае пошла не слишком далеко, если принять в соображение, что она имела только двухмиллионное население, что в Швейцарии глава республики получает 2 500 рублей жалования. Но европейцы со свойственной политически неразвитым людям грубостью мировоззрения, как обыкновенно с ними случается, стали кричать, что принципы Коммуны грозят опасностью свободе и собственности» (стр. 233—234).

По мнению автора, осуждение действий Коммуны отличается крайнею пристрастностью и, в доказательство несправедливых на нее нареканий, он приводит имена главных ее коноводов—Делеклюза, Флаурана и других, выставляя их олицетворением честности и благородства (стр. 235—236). Противопоставляя этим деятелям Тьера, автор спрашивает: когда Робеспьер терроризировал Францию, чтобы возбудить в ней энергию, необходимую для защиты от ринувшихся на нее врагов, мир приходил в ужас, как же он должен смотреть теперь на Тьера, который разразился над Францией грозю никогда еще неслыханного и невиданного террора? С самого начала все пленные,

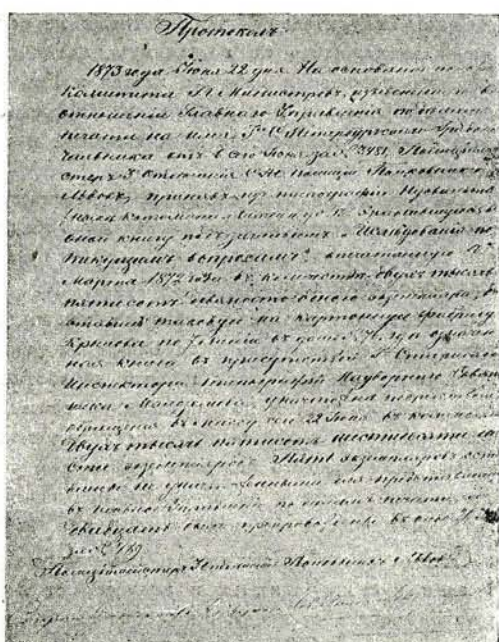

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ О ЗАПРЕЩЕНИИ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ» ФЛЕРОВСКОГО

Ленинградское отделение Центрархива

ПРОТОКОЛ УНИЧТОЖЕНИЯ КНИГИ ФЛЕ-
РОВСКОГО «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕКУ-
ЩИМ ВОПРОСАМ»

Ленинградское отделение Центрархива

можно было бы сделать при более благоприятных условиях, однако же их сделано достаточно для того, чтобы читатель получил осязательное доказательство, что истины, которые доказываются в этой книге, оправдываются материалом, взятым не случайно и обработанным другими с целями совершенно иного рода». Кроме того автор «сделал новые выводы на основании данных новейшего происхождения». Книга распадается на три части, как и в первом издании, из которых первая трактует о работнике северной России, вторая — о работнике земледельческой России и третья — о работнике промышленной России. В заключительной части книги помещены те общие, основанные на новых данных выводы, о которых Флеровский упоминает в предисловии. 20 мая 1872 г., книга была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет и дана на просмотр цензору Н. Ратлинскому, а 22 мая «в виду вредного содержания книги» С.-Петербургский цензурный комитет сделал распоряжение о наложении на нее ареста, но не успел передать дела прокурорскому надзору о судебном преследовании автора, как был опубликован закон 7 июня 1872 г. и дело о книге «Положение рабочего класса в России» было передано на разрешение Комитета министров.

В своем представлении в Комитет министров 7 декабря 1872 г. министр внутренних дел, генерал-адъютант Тимашев подробно остановился на содержании книги и дал ей следующую оценку:

«Содержание книги составляют личные наблюдения автора над бытом рабочих во время поездок, совершенных им с этой целью... Для подкрепления своих рассуждений и выводов он ссылается на статистические цифры, заимствованные преимущественно из Военно-статистического сборника... Положение рабочих изображено в книге самыми мрачными красками, они выставлены жертвами эксплуатации хозяев-капиталистов, поземельных собственников, а также казны — там, где заводы казенные. Как противоположность такому «убийственно-тяжелому» положению работников рисуется картинка жизни и быта их хозяев и поземельных собственников. Сии последние представляются погрязшими в роскоши и разврате тунеядцами, живущими на счет закабаленных ими

рабочих, изнурительный труд которых не вознаграждается даже настолько, чтобы они имели возможность на получаемую плату пропитывать своих детей. Причину такого ужасного положения рабочего класса в России автор находит не в каких-либо временных неурядицах и случайных злоупотреблениях, а в самом современном экономическом строе, в неравенстве прав капитала и труда и наконец в системе личного землеустройства.

Для выхода из этой страшной экономической и общественной неурядицы автор указывает на средства, которые распадаются на два вида, соответственно двум главным сферам экономической деятельности — сфере промышленной и фабричной и сфере поземельных отношений или земледельческой.

Относительно первой он говорит: «...капиталист дает свой капитал, работник — свой труд, произведение есть плод общих их усилий. Работник не должен отказываться от прав своих на него ради жалкой заработной платы. В настоящее время капиталист дает свой капитал и комфортабельно остается дома, покуривая сигару; работник дает свою работу и подвергается всем тягостям и неприятностям сурового труда, следовательно долг каждого человека делать все, что от него зависит, чтобы общее произведение капиталиста и работника не принадлежало только одному из них и притом тому, который принес всего менее жертв, т. е. капиталисту» (стр. 319)...

Отсюда автор делает вывод, что капиталист и работники должны быть товарищами предприятия и получать от него прибыль по определенной норме, которую он исчисляет следующим образом: все барыши оставляет рабочим, а капиталисту уделяет лишь 15% с затраченного для предприятия капитала.

«Но почему же, — говорит он, — барыши от промышленного предприятия должны сполна принадлежать рабочим, а капиталисту только проценты с капитала? Причина ясна: капиталисты не работают, они только страхуют промышленные предприятия имеющимися в руках их действительными ценностями»... «Не в десять ли раз справедливее отдавать барыши тому, кто подвергается всем тягостям сурового труда, чем тому, кто спокойно и комфортабельно сидит в своем кабинете и только дает свой капитал».

Что касается экономических отношений в сфере земледельческой деятельности, то автор считает величайшим злом существующую во всем образованном мире систему личной собственности: он нападает на нее в самых резких и страстных выражениях. Так, упоминая о замечаемом будто бы у нас в России стремлении образованных классов к развитию личного землеустройства в ущерб общинному, он говорит: «Цель тут одна: сосать землевладельцев, сосать всех нас — русский народ. Мы все — русский народ во всем его составе — попадем в руки горсти людей, которые будут помыкать нами, как им угодно, и будут иметь возможность заморить нас голодом, если им это понравится» (стр. 517), и далее: «...явления экономической жизни на Западе показывают нам, что единственно нормальное отношение к земле имеет место только тогда, когда она находится во владении землевладельца, обрабатывающего ее исключительно собственными своими руками» (стр. 421).

Воззрения автора на этот предмет резюмируются им в следующей фразе, напечатанной в заключении на стр. 523: «Пока вся земля будет предметом собственности, до тех пор будет существовать и крупная и мелкая собственность, произвести самое выгодное экономическое положение можно только при всеобщем распространении безобочного общинного владения; только тогда возможно рациональное и наиболее соответственное самым выгодным хозяйственным условиям распределение земель»... «Итак, вот цель, к которой мы должны стремиться».

Таким образом окончательный вывод книги относительно поземельных отношений есть необходимость аграрного переворота! Вообще основной мыслью о несостоятельности и вреде ныне существующих экономических начал проникнуто все сочинение Флеровского (Берви), но особенно яркое выражение этого направления, кроме выписанных мест, встречается на страницах: 40, 52, 53, 54, 70, 74, 76, 131, 217, 233—244, 315—322, 325, 326, 329—331, 339, 347, 355, 383, 384, 390, 391, 402, 425, 476, 477, 506, 507, 517, 519, 521, 523, 524, 527, 528 и 529.

Дух крайнего социализма, которым она проникнута, и самая страстность и резкость изложения придают этому сочинению характер скорее революционного памфлета, чем серьезного трактата о предметах политической экономии. Все приведенные в книге статистические данные, все рассуждения и выводы, в ней заключающиеся, имеют очевидно целью, во-первых, подорвать уважение как к системе личного владения, охраняемой нашими законами, так и вообще к экономическим началам, принятым во всех благоустроенных государствах, и, во-вторых, возбудить ненависть одного класса граждан — работников и земледельцев к другому — капиталистам и поземельным собственникам.

Вред этой книги еще усиливается, если принять в соображение, что она есть оригинальное русское сочинение, имеющее предметом своим исключительно Россию, и что в подкрепление превратных учений, в ней изложенных, приводятся данные из официальных изданий, каков Военно-статистический сборник; это обстоятельство может соблазнить неопытных читателей, не знающих, как легко для предвзятой цели играть статистическими цифрами...

Комитет министров в заседании 19 декабря 1872 г. нашел, что второе издание книги «Положение рабочего класса в России» «как в общем направлении, так и в отдельных суждениях автора об экономическом положении рабочего класса вообще, об отношениях рабочих к капиталистам и землевладельцам и о тех мерах, кои могли бы служить средствами к изменению существующего в экономическом строе порядка, проникнута учением крайнего социализма». Комитет министров признал распространение рассматриваемой книги «крайне вредным» и постановил выпуск ее в свет воспретить.

24 января 1873 г. 2465 экз. книги «Положение рабочего класса в России» подверглись уничтожению на картонной фабрике Крылова «посредством обращения в массу»¹⁶.

Вынужденный цензурой оставить вопросы экономического и правового порядка, Флеровский сосредоточивается на разработке вопросов этики и философии.

В 1878 г. выходит его книга «Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина», содержащая критику философии Гартмана. Эта книга также имела свою цензурную историю, будучи арестована до выхода.

С.-Петербургский цензурный комитет признал книгу вредной «в виду крайнего материалистического направления, которое в конечном выводе приводит к отрицанию всякого авторитета религиозного и политического и к признанию нравственности, выражающейся только в идее «общего блага»¹⁷. Особое внимание цензуры обратила на себя вторая половина сочинения, особенно главы с IX по XIV.

В своем представлении в Комитет министров 15 марта 1879 г. министр внутр. дел Л. С. Маков отметил, что «вся эта половина» сочинения, как распространяющая идеи материализма и притом доведенная до крайности, вполне нецензурна, а с нею вместе и предыдущая половина, как служащая только подготовлением ко второй и объясняемая этой последней. Идеализм, который кажется при первоначальном чтении господствует в первых главах (I—VII) сочинения, есть не что иное, как терминология, принятая автором, терминология, объясняющаяся в последующих главах... Материализм доведен автором до такой крайности, что Гартман и Дарвин кажутся ему идеалистами во многих их положениях, особенно Гартман, которого автор критикует как мыслителя, не устоявшего на почве наблюдений и впадающего ошибочно в идеализм»¹⁸.

Однако Комитет министров не нашел нужным запретить эту книгу Флеровского¹⁹, и она беспрепятственно вышла в свет.

Такова была судьба четвертой книги В. В. Берви-Флеровского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Л. Э. Шишко, Собрание сочинений, т. IV, Статьи по истории русской общест-
венности. П., 1918, стр. 140—141.
- ² Л. Б. Каменев, Маркс о Флеровском. «Литературное Наследство» 1932, № 2,
стр. 55—60.
- ³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV. М. 1931, стр. 186.
- ⁴ «Три политических системы». Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897,
стр. 270.
- ⁵ Н. Чарушин, О далеком прошлом. М., 1926, стр. 81.
- ⁶ Дело № 185, 3 экспед. Д. Е. В. от 25 октября 1871 г. В книге О. В. Аптек-
мана, Василий Васильевич Берви-Флеровский. Изд. «Колос». Л., 1925 г., на стр.
60—61 этот документ приведен не точно.
- ⁷ Дело Канцелярии Главного Управления по делам печати 1871 г., № 155.
- ⁸ Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1871 г., № 155.
- ⁹ «Три политических системы». Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897,
стр. 272.
- ¹⁰ Цифра, приводимая Флеровским, не сходится с вышеприведенными официа-
льными данными.
- ¹¹ «Три политических системы». Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897,
стр. 274.
- ¹² «Русская Мысль» 1905, кн. 5, стр. 142.
- ¹³ Дело С.-Петербургского Цензурного комитета 1872 г., № 39.
- ¹⁴ Так написано в подлиннике.
- ¹⁵ Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1872 г., № 65.
- ¹⁶ Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1872 г., № 125.
- ¹⁷ Дело С.-Петербургского Цензурного комитета 1878 г., № 75.
- ¹⁸ Дело Канц. Главн. Упр. по делам печати 1878 г., № 75.
- ¹⁹ Министр внутренних дел Л. С. Маков на препроводительной записке управляю-
щего делами Комитета министров, при которой возвращались ему экземпляры книги
«Философия бессознательного», написал карандашом: «По обсуждении этого дела
выяснилось, что все члены Комитета признали возможным выпустить эту книгу,
вследствие этого я не признал удобным оставаться одному при отдельном мнении».